

JEZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

DOI: 10.31648/an.5214

ПРАГМАТИКА ВТОРОГО ЛИЦА

PRAGMATICS OF THE SECOND PERSON

Aleksander Kiklewicz

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie / University of Warmia and Mazury in Olsztyn

e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Keywords: functional linguistics, pragmatics, speech act, illocution, 2nd person, Russian language

Abstract: The author considers the correlation between grammar and pragmatics as a problem of functional linguistics. The discussion focuses on pragmatic restrictions concerning the use of grammatical forms, i.e., the extent to which the grammatical meaning corresponds to the characteristics of speech acts. In this respect, the author analyzes Russian imperfective verbs in the second person of indicative. The analysis of the material collected from the Internet corpus of the Russian language demonstrates that the verbs in the 2nd person form are rarely used to implement the representative (assertive) speech acts. However, the use of verbs of the 2nd person in the general-personal, indefinite-personal and in the meaning of the 1st person is very common. The author concludes that the pragmatic-cultural factor is decisive in limiting the use of the verbs in the 2nd person form.

Введение

- (1) – Яша, Вы знаете, что о Вас говорят, когда Вас нет дома?
– Когда меня нет дома, пусть меня даже бьют!

Текст этого старого анекдота заставил меня задуматься о границах языковых преобразований. Первая реплика имеет форму вопросительного предложения, и с формальной точки зрения нет никаких препятствий, чтобы преобразовать вопросительное предложение в повествовательное:

- (2) – Яша, Вы *знаете*, что о Вас говорят, когда Вас нет дома.

В то же время совершенно очевидно, что повествовательное предложение, несмотря на свою грамматическую правильность, не соответствует требованию, которое в социолингвистике определяется как контекстуализация [Hymes 1996, 33; Johnstone & Marcellino 2010, 58]: трудно представить себе естественную коммуникативную ситуацию, в которой данное предложение реализовало бы какой-либо речевой акт (хотя я не утверждаю, что это невозможно). Повествовательная форма предложения, т.е. с глаголом в индикативе, при отсутствии дополнительных интерактивных операторов выражает (по умолчанию) репрезентативное (или ассертивное) значение иллокутивной функции. Для этого типа речевого действия характерно, что сообщение является для адресата новым – содержит новую для него информацию. С учетом данного обстоятельства приведенная выше повествовательная трансформа заключает в себе парадокс: с одной стороны, в соответствии с диспозициональной характеристикой репрезентативного речевого акта адресат не знает (не должен знать) о сообщаемом положении дел; с другой стороны, в предложении сообщается, что адресат знает об этом.

Ситуацию можно было бы исправить, если ввести в состав предложения местоимение *сами*:

(3) – Яша, *Вы сами* знаете, что о Вас говорят, когда Вас нет дома.

С прагматической точки зрения ситуация меняется существенным образом: мы уже имеем дело с новым речевым актом. Местоимение выделяет адресата как субъекта знания, а это указывает на то, что говорящий, по-видимому, имеет в виду некоторые следствия, вытекающие из сообщения о факте, известном как ему, так и его собеседнику. Например, можно представить себе такую секвенцию высказываний:

(4) – Яша, *Вы сами* знаете, что о Вас говорят, когда Вас нет дома [АРГУМЕНТАТИВ], поэтому я не буду Вам рассказывать / поэтому я не буду убеждать Вас, что ... [ДЕКЛАРАТИВ].

Теперь мы уже имеем дело не с (изолированным) сообщением, а с доводом. Противоречия в содержании предложения уже нет: и говорящий, и слушающий знают о некотором положении дел, но оно не является главным предметом речевого действия, а только обоснованием декларативного речевого акта.

Рассмотренный пример указывает на существование условий употребления грамматических форм, которые (условия) не программируются грамматической системой, а имеют прагматический, шире – коммуникативный характер. Реализация грамматического значения лексической единицы зависит от прагматической рамки высказывания, в состав которого она (в качестве синтаксемы) входит. Возможность или невозможность употребления определенной грамматической формы регулируется

не только соответствием ее значения характеристике референта (что представляет семантический аспект грамматики), но и соответствием значения слова диспозициональной характеристике речевого действия (что представляет прагматический аспект грамматики). Употребление глагола несовершенного вида в индикативной форме 2-го лица будет противоречить его (системно детерминированному) значению, если действие не относится к адресату – это представляется очевидным и вытекает из определения данной грамматической формы (см. далее), однако факт, что 2-е лицо плохо согласуется с сообщением о положении дел (с участием адресата), не имеет прямого отношения к грамматической системе – неслучайно информация об ограничениях такого рода отсутствует в традиционных грамматических описаниях.

Предметом данной статьи являются прагматические условия реализации грамматических значений. Данная проблема, которая будет рассмотрена на примере русских глаголов несовершенного вида в индикативной форме 2-го лица, относится к области функциональной лингвистики, а именно – к ее фундаментальной идее о континуальной природе языковых категорий. В первой части статьи будут рассмотрены общетеоретические вопросы интегративного подхода к грамматике и прагматике. Мое внимание будет, главным образом, сосредоточено на диспозициональной прагматике, т.е. прагматике условий (как альтернативе для прагматики целей), поэтому отдельный раздел статьи посвящен роли психологического фактора, т.е. эпистемических состояний участников информационного обмена. Основная часть статьи содержит анализ и описание эмпирического материала – извлеченных из Национального корпуса русского языка высказываний с глаголом 2-го лица.

1. Прагматика грамматики

Несмотря на всё усиливающуюся дифференциацию и специализацию лингвистических исследований, в современном языкознании заметна также тенденция к интегративному изучению языковых единиц и категорий, что является характерной чертой функциональной лингвистики, теоретические основы которой были заложены в 60-70-е года прошлого столетия, в частности, создателями теории «смысл – текст», предусматривающей описание языковых единиц с учетом их динамической переработки в процессах порождения и восприятия, т.е. с учетом взаимодействия разных аспектов: семантического, синтаксического, морфологического и фонологического. Функционально-лингвистические исследования в значительной степени сосредоточились на проблеме взаимосвязи между семантикой и грамматикой, при этом сформировались два

направления: с одной стороны, исследования в соответствии с семасиологическим принципом «от формы к значению», предметом которых стала функциональная (в частности, узуальная) верификация грамматических форм. Такой характер имеет, например, *Функциональная грамматика* М.А. Шелякина [2001], а также теория функционального синтаксиса Г.А. Золотовой, в которой значительное место отводится описанию значений синтаксем [1988, 7ссл.]. К этому же направлению следует отнести и концепцию активного словаря московской семантической школы. Так, Ю.Д. Апресян пишет, что при лексикографическом описании лексических значений необходимо учитывать всю совокупность присущих лексемам «лингвистически существенных свойств, т.е. свойств, чувствительных (...) к каким-то правилам языка» [2015, 13ссл.], имея в виду семантические, просодические, морфологические, валентные и др. свойства.

Другое направление функциональных исследований базируется на ономасиологическом принципе «от значения к форме»: грамматические единицы (в частности, синтаксические структуры) рассматриваются как реализации (или репрезентации) исходных семантических категорий, с учетом степени их соответствия семантическому прототипу. Такой характер имеет модель управления в теории «смысл – текст»: синтаксические структуры упорядочены в соответствии с базовыми пропозиционными (предикатно-аргументными) структурами [Melchuk 1984, 49]. Идея первенства семантики реализована также в теории функционального синтаксиса А. Мустайоки [2006], а также в теории экспликативного синтаксиса С. Кароляка, который был сторонником семантической атрибуции синтаксических схем, ср. его высказывание: «Analiza składniowa nie może być dokonywana na formach semantycznie nie zidentyfikowanych» [Синтаксический анализ не может быть осуществлен применительно к семантически не идентифицированным формам] [Karolak 2002, 12]. По убеждению Кароляка, синтаксическое исследование предложения должно быть направлено на изучение степени поверхностной реализации компонентов базовой пропозициональной структуры как его десигната.

Большую известность в славистике получила теория функционально-семантических полей А.В. Бондарко,

направленная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания [1983, 32; см. также: 1985, 16].

Идея поля состоит в том, что грамматическая категория рассматривается как множество разноуровневых и разноформатных репрезентаций некоторого инвариантного значения, при этом данное множество структурировано с учетом характера репрезентации и ее употребления.

Интегративный подход характерен также для лингвистических моделей последнего времени. Так, в модели лексико-функционального синтаксиса (англ. «Lexical-Functional Syntax») семантическая составляющая занимает главное место. Отрицается целесообразность глубинной структуры и трансформационных правил – напротив, подчеркивается зависимость синтаксических отношений от семантических свойств элементов, включая их принадлежность к лексико-семантическим классам. Конститутивные структуры (англ. «constituent structure») описываются с учетом функциональных структур (англ. «functional structure»), тем самым каждое предложение получает два типа синтаксической экспликации [Kaplan & Bresnan 1995; Bresnan 2001; Bresnan, Asudeh & Toivonen 2016]. В теории англ. *Role and Reference Grammar* описание синтаксической структуры включает не только дерево грамматических зависимостей, но также пропозиционально-семантическую структуру, семантические роли предикатов и актантов, функции разного рода операторов и модификаторов, а также закодированные в их форме грамматические значения. Такой характер синтаксического описания предусматривается в модели (много)уровневой структуры клаузы (англ. «the layered structure of the clause») [Valin & LaPolla 1997/2004; Valin 2001]. В работе Holmes, Stowe & Cupples 1989, 668 можно прочесть о лексическом прогнозировании (англ. «lexical expectations») синтаксических структур в процессе восприятия речи.

Из обзора общих постулатов функциональной лингвистики вытекает важный для данного исследования вывод: несмотря на то, что многие, лежащие в основе функционального подхода теоретические декларации содержат указание на прагматический компонент исследования лексических и грамматических единиц [см.: Lewandowski 1984, 316; Ehrich 1990, 9; Peyer 1997, 10; Лещак 2000, 250 и др.], а некоторые исследователи ссылаются на мнение М. Вебера, что понятие языка лишено смысла, если его не рассматривать с точки зрения языкового поведения [Auer 1999, 107], в то же время прагматическая составляющая в комплексе функционально ориентированных лингвистических исследований является наиболее слабой (в чем можно усматривать наследие традиционного, «внутреннего» языкознания). Хотя Бондарко [1985, 25] выдвинул требование, согласно которому при функциональном подходе к грамматике следует стремиться к интегративному описанию отношений языка с его внеязыковой средой, однако это требование учитывается не всегда: во всех упомянутых выше концепциях функциональной грамматики прагматический компонент отсутствует или едва заметен. Например, в составленном Апресяном списке «лингвистически существенных свойств» лексической единицы нет свойств, которые можно было отнести к области прагматики.

Это, однако, не означает, что прагматическая информация вовсе отсутствует при функциональном описании лексики или грамматики. В качестве примера может послужить функционально-коммуникативный синтаксис Золотовой [см. Золотова 1982; Золотова и др. 1998], в котором синтаксические структуры маркируются в соответствии с характерными для них сферами реализации, а именно – коммуникативными реестрами: репродуктивным, информативным, обобщающим, волюнтаривным или реактивным. Например, при описании типов инфинитивных предложений учитывается типовое значение предложения, характер субъекта, коммуникативный регистр и семантико-экспрессивные характеристики.

Таблица 1. Функциональная модель инфинитивных предложений

Тип инфинитивного предложения	Форма субъекта	Коммуникативный регистр	Семантико-экспрессивные характеристики
1. Акционально-экспрессивный: <i>Она – хохотать</i>	3-е, 1-е лицо, имен. пад.	Репродуктивный	Информирование о наблюдаемых (активных, неожиданных) действиях
2. Рефлексивный: <i>Что же делать? Забыть?</i>	1-е лицо, дат. пад.	Репродуктивный	Представление процесса рефлексии, выбора планируемых действий
3. Оптативный: <i>Только успеть! Закурить бы!</i>	1-е лицо, дат. пад.	Репродуктивный	Эмоциональное выражение желания, которое не согласуется с обстоятельствами
4. Эпистемический: <i>Быть грозе; Мне не дойти</i>	1-е, 2-е, 3-е лицо, дат. пад.	Информативный	Информирование с уверенностью о неизбежности события
5. Оценочно-характеризующий: <i>Тебя не переспорить</i>	1-е, 2-е, 3-е лицо, род. пад.	Информативный	Характеристика лица на основе обобщенного опыта, вытекающего из предшествующих контактов

Наблюдения показывают, что употребление языковых знаков регулируется не только внутренними законами языка, но также – в большей или меньшей степени – зависит от отношений, которые устанавливаются между референтами знаков и коммуникативным (шире – перформативным) контекстом, в котором решающее значение имеют состояния и установки отправителя и получателя информации. Эта теоретическая установка лежит в основе прагматизма (другими словами – функционального прагматизма): язык рассматривается как модуль в системе человеческой деятельности, который не может быть адекватно описан в отрыве от нее. Такой подход реализован в концепции коммуникативной грамматики А. Авдеева и Г. Хабрайской [Awdiejew 2004; Awdiejew, Nabrajaska 2004; 2006], состоящей в инвентаризации и упорядочении лексических, морфологических и синтаксических средств реализации

речевых действий – коммуникативных операторов (польск. «operatory interakcyjne»). В связи с этим следует упомянуть работу: Speas 2004, в которой обсуждается построение синтаксической модели, учитывающей лингвистически релевантные прагматические параметры высказываний, касающиеся указания на источник передаваемой семантической информации. Автор исследует ограничения в области грамматики этой информации.

Эпистемические установки субъекта речи учитываются также в концепции функционального синтаксиса С. Куно [Kuno 1987], в которой центральное место занимает понятие эмпатии как идентификации говорящего с одним из партиципантов описываемой в предложении ситуации. Один из типов эмпатической иерархии касается употребления словосочетаний как типа номинации: если имеется простой знак x (например, *Джон*) и сложный (производный от него) знак $f(x)$ (например, *брат Джона*), это означает, что эмпатия говорящего (языкового субъекта) по отношению к x выше, чем по отношению к $f(x)$. Символически это можно обозначить так:

- (5) $E(x) > E(f(x))$
 (6) $E(\text{Джон}) > E(\text{брат Джона})$

В конкретном высказывании эмпатическая иерархия имеет однонаправленный характер, т.е. нельзя сочувствовать больше x , чем y , и одновременно больше y , чем x . Вслед за Куно сравним два высказывания:

- (7) John and his brother talked to Mary about her sister 'Джон и его брат разговаривал с Мэри по поводу ее сестры'
 (8) *Then Bill's sister hit her brother 'Тогда сестра Билла ударила своего брата'

Хотя оба высказывания являются грамматически правильными, второе не может быть приемлемым по причинам прагматического характера. Куно показывает, что это имеет прямое отношение к эмпатии. В первом высказывании реализуются две непротиворечивые эмпатические иерархии:

- (9) $E(\text{John}) > E(\text{John's brother})$
 (10) $E(\text{Mary}) > E(\text{Mary's sister})$

Во втором высказывании имеется противоречие:

- (11) Bill's sister: $E(\text{Bill}) > E(\text{his sister})$
 (12) her brother: $E(\text{her} = \text{Bill's sister}) > E(\text{her brother} = \text{Bill})$

Таким же образом можно объяснить корректность/некорректность приведенных ниже русских предложений:

- (13) Пришла Вера и ее муж.
 $E(\text{Вера}) > E(\text{ее муж})$

- (14) Пришел Валера и его жена.
 E (Валера) > E (его жена)
- (15) *Пришел муж Веры и его жена.
 E (Вера) > E (муж Веры) & E (он = муж Веры) > E (его жена)

Известный лингвист Б.Ю. Норман [2015, 98] исходит из предпосылки о «дискурсивной востребованности» высказывания, а также коммуникативной специализации языковых единиц. Прагматический подход к грамматике, по его мнению, обусловлен несколькими факторами: 1) в области грамматики существуют более и менее регулярные явления – во втором случае их употребление зависит от окказиональных условий речевой деятельности, прежде всего – от намерений и установок говорящего, тем самым – по мнению Нормана – «вся периферия грамматики прагматически окрашена» [2009, 85]; 2) человеческий фактор проявляется также в выборе альтернативных грамматических форм: отмирающих и нарождающихся; 3) определенные установки и предиспозиции речевых субъектов обуславливают языковую креативность, в частности, нестандартное употребление грамматических форм (например, анимизацию форм грамматического рода), преднамеренные грамматические ошибки и др. Как видим, прагматика понимается Норманом специфически – как «та часть значения, которая рассчитана на конкретного адресата речи и учитывает его пол, возраст, статус, интересы, опыт, обстановку общения и т. п.» [2009, 82]. Можно было бы возразить, что такое понимание больше соответствует стилистическому (или идиостилистическому) аспекту языковых единиц, т.е. учету тех коммуникативных условий (таких, как сфера речевой перформации, коммуникативная ситуация, дискурс, языковая личность и др.), в которых употребляется данная единица¹. Впрочем, Норман в какой-то степени признает это сам [2009, 122].

Предлагаемый Норманом подход охватывает только определенную часть языкового материала – «меченые» языковые факты, в том или ином отношении отклоняющиеся от нормы. Норман, например, пишет: «„Столкновение“ грамматического значения с лексическим работает на руку прагматике: оно почти автоматически рождает дополнительные смыслы» [2009, 87], за чем скрывается понимание прагматики как сферы специфических, девиантных употреблений языковых единиц («переносных» значений). Так понимаемый прагматический подход к грамматике означает контекстную атрибуцию разного рода окказионализмов

¹ Хотя граница между сферами прагматики и функциональной стилистики в некоторых аспектах размыта [см. Kiklewicz 2015], существуют конститутивные (автохтонические) свойства каждой из этих категорий: к области стилистики относится информация о том, как распределяется употребление языковых единиц в зависимости от условий речевой деятельности, т.е. стилистическая маркированность языковых форм, тогда как к области прагматики относится информация о целях и коммуникативных функциях языковых единиц (в первую очередь имеются в виду формы языкового обеспечения речевых действий).

– следует, однако, заметить, что последовательно такая атрибуция автором не проведена. Так, Норман [2009, 123ссл.] пишет о хорошо известном факте «переносного» употребления личных форм глаголов, в частности, форм 2-го лица. Автор приводит большое количество иллюстративного материала без обобщения коммуникативных факторов, например, в виде списка типовых контекстов (коммуникативных ситуаций) вторичных употреблений.

Маргинальный характер в данной концепции имеет главная проблема прагмалингвистики – речевые действия. Впрочем, нельзя утверждать, что в книге Нормана она оставлена без внимания. Так, ученый пишет о глаголах, «содержащих в своем значении отрицательную окраску» (*норовить, якшаться, прохладжаться, сдуреть, повадиться, вздумать* и т. п.). В силу этой своей особенности данные глаголы «плохо сочетаются с 1-м лицом», т.е. редко (или вовсе не) употребляются в составе асертивных речевых актов, ср.:

(16) ? Я всегда *норовлю* пролезть без очереди.

В книге Г.М. Зельдовича [2012] исследуется прагматический фактор грамматической номинации. Автор рассматривает с функционально-коммуникативной точки зрения некоторые грамматические категории (вид, залог и др.). Употребление тех или грамматических значений объясняется с точки зрения ментальных установок говорящего. Прагматическая информация, таким образом, учитывается как необходимая составляющая речевой деятельности и языковой компетенции. Например, утверждая, что формам совершенного вида глаголов присуща специфическая «единичность», Зельдович ссылается на ментальное состояние говорящего:

Интуитивно несомненно, что единичность (...) важна для говорящего, в высокой степени интерпретативна по отношению к действительности; например, фраза *Я пообедал* не исключает, что говорящий обедал и раньше: предыдущие обеды его просто не интересуют. Поэтому в более корректной формулировке СВ значит, что 'говорящий мыслит множество ситуаций *M*, в котором ситуация *P* единична'. Подчеркнем, (...) что прагматически важна не только сама эта информация, но и то, что говорящий ее сообщает: из последнего вытекает, что множество *M* чем-то важно для говорящего [2012, 44].

В качестве базовой Зельдович рассматривает теорию кооперации Г.-П. Грайса [Grice 1975], а именно – ее положение, согласно которому несоблюдение правил коммуникативного поведения (Зельдовича в первую очередь интересует постулат категории способа) указывает на определенную интенцию говорящего. Такой подход, по мнению Зельдовича, позволяет оптимизировать семантическое описание лексических единиц – за счет привлечения информации о коммуникативных условиях типичных и нетипичных реализаций инвариантных значений [2012, 11].

В качестве примера могут послужить предложения, в которых форма творительного падежа существительных выражает разные синтаксические (аргументные) значения:

- (17) Я вылечил его аспирином.
- (18) Пришел темной ночью.
- (19) Мешки различаются весом.
- (20) Приехал поездом.

По мнению Зельдовича, за всеми этими употреблениями стоит один инвариант: 'что-то, что происходит с денотатом соответствующего существительного, каузирует те или иные события, о которых сказано в предложении', тогда как «всё видимое разнообразие его употреблений связано с контекстом и с конкретизацией этого тривиального по сути смысла». Такое решение проблемы семантического варьирования лексических и грамматических значений представляется верным, хотя вопрос о регулярных корреляциях между отдельными вариантами и их контекстными предпосылками (как и в случае окказионализмов, с которыми имеет дело Норман) все еще остается открытым.

2. Диспозициональная прагматика и эпистемический фактор речевого акта

Прагматика как сфера употребления языковых единиц в системе человеческой деятельности делится на две части: 1) интенциональная прагматика имеет отношение к перспективе языкового поведения, отражает целевой аспект деятельности вообще и употребления языка, в частности; 2) диспозициональная прагматика (термин введен в работах: Kiklewicz 2005; 2007) имеет отношение к ретроспективе человеческой деятельности, т.е. тем (культурным, социальным, функциональным, физическим, экзистенциальным и др.) условиям, которые мотивируют (или программируют) речевое поведение. В основе языковой активности лежат не только субъективные намерения, например, как в случае, просьбы или угрозы, но и обязательные или полуо обязательные для членов данного культурного сообщества предпосылки, например, как в случае большинства этикетных речевых актов (приветствия, прощания, извинения, сочувствия и др.). Интенциональная прагматика изучена намного лучше, прежде всего благодаря ставшей классической теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Потребность в диспозициональной прагматике наиболее заметна в исследованиях в области межкультурной коммуникации, что убедительно продемонстрировал Я. Наутс [Nuyts 1997]. Культурная обусловленность типов речевого поведения (в частности, ритуального и ритуализированного характера) проявляется

при сопоставлении разобщенных языковых сообществ. Анализируя коммуникативное поведение аборигенов Африки и Австралии, Наутс приходит к следующим выводам: 1) существуют типы речевой деятельности, в которых интенциональность не играет существенной роли; 2) последствия речевого акта и ответственность говорящего в некоторых культурах важнее, чем коммуникативное намерение; 3) интенциональный характер речевых действий варьируется в разных языковых сообществах.

Роль социо-культурного фактора проявляется не только в существовании стереотипных реплик, употребляемых в стандартных ситуациях [см. Норман 1988, 87], т.е. в реактивном характере речевого поведения, но также и в том, что существуют исходные, диспозициональные характеристики интенциональных речевых действий. На такие характеристики ссылается А. Вежбицкая [Wierzbicka 1999, 234сс.; см. также: Касцмарек 2007] при сопоставительном описании речевых актов в разных культурах. Исследовательница пишет, что в речевой коммуникации находят отражение господствующие в данной культуре принципы социальных отношений. Так, для японской культуры характерна особая значимость социальной иерархии, в связи с чем, обращаясь к лицу с более высоким социальным статусом, говорящий рассчитывает на его лояльность, толерантность, доброту. Этим, как считает Вежбицкая, объясняется специфика некоторых элементов японского речевого этикета – по сравнению с европейским. Так, в европейских культурах благодарность означает, что говорящий информирует адресата о том, что он хочет, чтобы тот знал, что он чувствует что-то хорошее в связи с тем, что адресат сделал для него (в его пользу) что-то хорошее. В японской культуре реакция на услугу напоминает реакцию на собственную провинность – в обоих случаях говорящий сообщает о том, что он чувствует что-то плохое. Японская форма благодарения содержит информацию, которая с европейской точки зрения естественна скорее в ситуации, требующей извинения.

Дж. Серль пишет: «То, что мы можем иметь в виду, является функцией того, что мы говорим» [1986, 160]. Эту мысль (принимая во внимание двухмодульный характер прагматики) можно развить: то, что мы имеем в виду, является функцией того, что мы намерены предпринять, и/или функцией того, к чему нас склоняет ситуативный контекст. Неслучайно Серль далее пишет: «Субъективное значение обусловлено не только намерением, но и конвенцией». Поэтому прагматически ориентированное описание языка, по мнению Серля, должно учитывать условия, необходимые и достаточные для реализации того или иного речевого акта. Так, для описания обещания (как типа речевого действия) требуется выполнение девяти условий, с учетом которых Серль [1986, 167] сформулировал правила употребления перформативного оператора *обещаю* как одного из значений прагматической функции.

Диспозициональный аспект речевых действий учитывается также в концепции З. Ненцкого [Nęcki 2000, 100]. В связи с описанием прагматического компонента языковых выражений Ненцкий обсуждает проблематику контекста, а при классификации и описании речевых актов принимает во внимание четыре типа условий. К ним относятся: 1) исходная ситуация, то есть инициатор речевого действия; 2) последствия исполнения или неисполнения действия; 3) степень ограничения свободы поведения отправителя и получателя; 4) межличностные отношения между коммуникативными партнерами (отношения социальных статусов). Введенные параметры служат для дифференциации речевых актов: предложения, совета, просьбы, приказа, обещания, согласия и отказа (ср. фрагмент этого описания в таблице 2).

Таблица 2. Классификация директивных речевых актов [Nęcki 2000]

Речевой акт	Исходная ситуация, инициатор	Последствия выполнения	Ограничение свободы действий	Отношение статусов
Предложение	говорящий	взаимная польза	отсутствует	равенство, симметрия
Совет	говорящий, предполагая, что адресат нуждается в нем	польза для адресата	незначительное ограничение свободы адресата	неравенство, превосходство говорящего
Обещание	говорящий, предполагая, что адресат ожидает его	польза для адресата	самоограничение говорящего	неравенство, превосходство говорящего
Просьба	говорящий, предполагая возможность и желание выполнения действия адресатом	польза для говорящего	ограничение свободы адресата	неравенство, превосходство адресата

Одной из существенных диспозициональных характеристик речевого акта является эпистемическое состояние речевого субъекта (отправителя или получателя информации) – на этот аспект языкового поведения ранее обратил внимание В. Хлебда [Chlebda 1991]. Эпистемический компонент представляет собой важный дифференциальный признак, например, в случае сообщения и вопроса: сообщение предполагает знание говорящего и незнание адресата, тогда как вопрос, напротив, предполагает знание адресата и незнание говорящего.

В своей ранее опубликованной статье [Киклевич 2015] я предложил общую типологию речевых актов в зависимости от данного параметра: 1. *x* знает, *y* не знает – категория информирующих речевых актов, включая репрезентативные, т.е. сообщения о положениях дел во внешней,

материальной действительности, и декларативные, т.е. сообщения о ментальных или эмоциональных состояниях говорящего²;

2. *x* не знает, *y* знает – категория речевых актов, целью которых является получение или восполнение информации – прежде всего это касается вопроса³;
3. *x* знает, *y* знает – категория речевых действий, относящихся к сфере фатической коммуникации, когда коммуникативные партнеры стремятся к установлению или поддержанию межличностного контакта;
4. *x* не знает, *y* не знает – категория модальных речевых актов, выражающих предположение, сомнение, неуверенность и т.п.

Если воспользоваться идеей, высказанной в работе Conrad 1978, 19, структуру высказывания можно представить в виде двух модулей: его семантического содержания и его прагматической рамки (см. рис. 1).

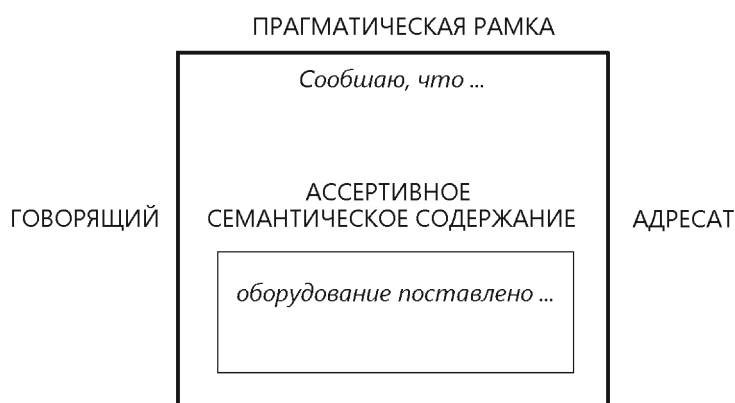

Рисунок 1. Схема конфигурации ассертивного (диктального) содержания высказывания и его прагматической рамки

При построении высказывания, на что было обращено внимание во Введении, важно не только то, как грамматически оформлено семантическое содержание, и не только то, какой характер имеет референция лексических единиц – дополнительно к этому учитывается также то,

² К периферии данной категории относятся также директивные речевые акты (например, просьбы), которые можно интерпретировать как декларации желаний, к реализации которых привлекается адресат:

Я прошу тебя сделать то-то и то-то.

< Знай, что я хочу, чтобы ты сделал то-то и то-то

[я знаю, что я хочу, чтобы ты сделал то-то и то-то

ты не знаешь, что я хочу, чтобы ты сделал то-то и то-то]

Разумеется, эпистемической информацией содержание декларативных (а также других) речевых актов не исчерпывается, но она важна как фактор их типологической характеристики.

³ Общеизвестно, что форма вопросительного высказывания употребляется для реализации разных типов речевых актов: декларативных, директивных, экспрессивных и др.

каким образом семантическое (диктальное) содержание взаимодействует с прагматической рамкой, в частности, с диспозиционными характеристиками речевых действий. Это будет показано в следующей части статьи на материале высказываний с индикативным глаголом 2-го лица.

3. Иллокутивное употребление 2-го лица

При определении значения глаголов 2-лица обычно учитываются два критерия: синтаксический и номинативный. С одной стороны, указывается, что данное грамматическое значение согласуется с личным местоимением 2-го лица в позиции подлежащего; с другой стороны, отмечается, что глаголы с таким грамматическим значением называют действие того, к кому обращена речь [см. Пешковский 2001, 90сл.]. Кроме основного значения, индикативные (а иногда и императивные) глагольные формы 2-го лица выражают вторичные значения: обобщенно-личное (которое В.В. Виноградов трактовал как неопределенно-личное [см. 1972, 365]) и значение 1-го лица, например:

- (21) Так же проверила на себе золотое правило: «Сначала ты *работаешь* на зачетку, потом она на тебя».
< Сначала студент работает на зачетку...
- (22) Возрастной диапазон – пока на велике сидеть *можешь*.
< ... Пока человек может сидеть на велике.
- (23) После пары просмотров первой части *начинаешь* заикливаться на недоработках в графике.
< После пары просмотров первой части я начинаю заикливаться...
- (24) «Служебный роман» *пересматриваешь* каждый раз и находишь столько всего нового.
< Я пересматриваю «Служебный роман» и каждый раз нахожу столько всего нового.

М.А. Шелякин [2001, 113] пишет, что обобщенно-личное употребление глагола «сопровождается модальными оттенками неизбежности, возможности, невозможности, несомненности, категоричности утверждения», тогда как употребление формы 2-го в значении 1-го лица «свойственно сообщениям говорящего о своем субъективном мире (при воспоминаниях, рассуждениях и др.)»⁴. Шелякин отмечает также переносное употребление глаголов 2-го лица в разговорной речи «для привлечения внимания собеседника к реакции говорящего на сообщаемое или ситуацию» – такое употребление далее будет квалифицироваться как фатическое.

Следует подчеркнуть, что в грамматических описаниях отсутствует информация о каких-либо прагматических ограничениях употребления

⁴ В *Русской корпусной грамматике* отмечается, что такое употребление глаголов 2-лица служит выражению повторяющегося действие говорящего, обобщению его опыта [Кустова 2011].

глаголов 2-го лица, хотя, как было показано во Введении, такие ограничения существуют. Например, Г.И. Кустова в своем разделе *Русской корпусной грамматики* пишет, что значение глаголов 2-лица состоит в «отнесенности ситуации к адресату (слушающему)». Приводится пример:

(25) Ты идешь.

С грамматической точки это предложение не вызывает сомнений, но, как и в случае повествовательного предложения (2), которое было рассмотрено раньше, есть сомнение относительно его коммуникативной уместности: трудно представить себе ситуацию, в которой некто сообщает своему собеседнику, что тот идет – это было бы возможным и прагматически обоснованным только в ситуации, когда говорящий знает, что собеседник не отдает себе отчета в том, что с ним происходит. Искусственность предложения исчезнет, если изменить его синтаксический статус:

(26) Я вижу, как ты *идешь*.

(27) Я догадываюсь, что ты *идешь*.

(28) Я знаю, куда ты *идешь*.

При этом важно, что вместе с синтаксическим статусом меняется и прагматический характер высказывания: в (26), (27) и (28) оно выступает в качестве пресуппозиции, истинность которой очевидна и для говорящего, и для слушающего (*x* знает, *y* знает).

Несовместимость 2-го лица с условиями реализации репрезентативных речевых актов находит отражение в структуре нарратива. Как известно, существует объективное повествование (в форме высказываний 3-го лица) и субъективное повествование (в форме высказываний 1-го лица), тогда как для 2-го лица нарративное употребление не характерно [Падучева 1996, 210].

Данную особенность речевого функционирования глаголов 2-го лица можно объяснить отсутствием согласования между их грамматическим значением и диспозициональным фоном репрезентативных речевых актов, т.е. между семантическим содержанием высказывания и его прагматической рамкой. Условием реализации сообщения (репрезентатива), в диктальной части которого имеется глагол 2-го лица, является эпистемическая пресуппозиция «*x* знает, *y* не знает». Диспозициональное и диктальное содержание высказывания создают предпосылку для импликаций: говорящий знает, что происходит с адресатом, а адресат не знает этого (т.е. не знает, что происходит с ним самим).

(29) Репрезентатив: Диспозициональная характеристика: *x* знает, *y* не знает

Диктум: ... 2-е лицо (= *y*) ...

Импликация (1): *x* знает, что делает *y*

Импликация (2): *y* не знает, что делает *y*

Вторая импликация противоречит эпистемической пресуппозиции более общего характера – своего рода топосу или архиэпистеме (этот термин встречается, например, в работе: de Toro 2018, 55):

(30) Человек ($x, y, z...$) обычно знает, что он делает / что с ним происходит.

В силу этого противоречия репрезентативы с глаголом 2-го лица представлены в речевой практике исключительно редко (см. далее), а высказывания с таким глаголом, которые можно было бы построить с учетом языковых правил, выглядят – с узуальной точки зрения – искусственными:

(31) ? Ты сейчас *идешь* по улице.

(32) ? Ты сейчас *ешь* суп.

(33) ? Ты *любишь* суп.

Следует оговориться, что сформулированное выше правило имеет необязательный характер. Архиэпистема (30) допускает отклонение:

(34) Случается, что человек ($x, y, z...$) не знает, что он делает / что с ним происходит.

В языковой практике встречается несколько типов употребления глаголов 2-го лица в составе репрезентативных речевых актов. Во-первых, это ситуации, в которых собеседник по некоторым причинам (из-за рассеянности, невнимательности, в состоянии аффекта и т.д.) не контролирует своих действий или состояний, ср.:

(35) *Идешь* в сторону леса.

(36) *Держишь* книгу вверх ногами.

(37) *Стоишь* в грязных ботинках на ковре.

Впрочем, такие высказывания не ограничиваются реализацией одной цели – информированием адресата, обычно они содержат замечание или предупреждение, т.е. могут быть квалифицированы как суггестивные действия.

Во-вторых, сообщения с глаголом 2-го лица встречаются в ситуациях с участием коммуникативных партнеров, которые обладают разными статусами, при том что статус говорящего выше, чем статус адресата. Это, например, наблюдается в ситуациях, когда учитель обращается к ученику, взрослый – к ребенку, специалист – к неспециалисту, составитель гороскопа – к читателю и т.д. Вот несколько примеров из нашего корпуса:

(38) Ты *можешь* научиться полностью расслабляться в течение 5 минут.
[Специалист знает, ты не знаешь]

(39) Ты *можешь* спокойно заниматься дома, получая удовольствие от гимнастики, основанной на принципах йоги. [Специалист знает, ты не знаешь]

(40) Процедуры с маслами – обычное дело в салонах красоты, и ты их тоже *можешь* сделать. [Специалист знает, ты не знаешь]

В-третьих, в основе репрезентативов с глаголом 2-го лица лежит производная диатеза – результат синтаксического преобразования, когда первый аргумент (обычно экспериенсив) реализуется в позиции дополнения в дательном, реже в винительном падеже, а второй аргумент – в позиции подлежащего в именительном падеже, например:

- (41) Ты *кажешься* мне странной.
 < Мне кажется, что ты странная.
- (42) В роли консультанта ты *представляешься* мне самодовольным, амбициозным типом.
 < Я представляю, что в роли консультанта ты являешься самодовольным, амбициозным типом.
- (43) Ты *видишься* мне в сотне лиц.
 < Я вижу тебя в сотне лиц.
- (44) Ты меня *смущаешь*.
 < Я смущаюсь, оттого ты присутствуешь / оттого что я тебя вижу и т.д.

Впрочем, все указанные выше репрезентативные (или ассертивные) употребления 2-го лица выступают в речевой практике достаточно редко – на это указывает анализ сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Выборка состоит из 500 предложений, полученных по запросу [Глагол|Индикатив|Настоящее время|Единственное число|2-е лицо|Действительный залог] из содержания нескольких первых страниц поисковой системы в порядке их следования друг за другом.

Основной корпус [инструкция](#) [задать подкорпус](#) [сбросить подкорпус](#) [English](#)

Поиск точных форм ? [A](#) [B](#) [B](#)

Слово или фраза

Лексико-грамматический поиск ?

Слово ? A B B	Грамм. признаки ? выбрать	Семант. признаки ? выбрать
<input type="text"/>	V,indic,praes,sg,2p,act	<input type="text"/> + x
Доп. признаки ? выбрать	Словообразование ? выбрать	☒ 1-е знач. ☒ др. знач. ☐ фильтр 1 ☐ фильтр 2 ?
<input type="text"/>	<input type="text"/>	

Расстояние: от до ?

Слово ? A B B	Грамм. признаки ? выбрать	Семант. признаки ? выбрать
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/> + x
Доп. признаки ? выбрать	Словообразование ? выбрать	☒ 1-е знач. ☒ др. знач. ☐ фильтр 1 ☐ фильтр 2 ?
<input type="text"/>	<input type="text"/>	

Рисунок 2. Окно запроса поисковой системы
 Национального корпуса русского языка

Все предложения в подкорпусе были расклассифицированы с точки зрения 1) грамматического употребления, т.е. личного значения формы глагола; 2) типа предложения и 3) значения прагматической функции. Количественная информация об объеме выделенных классов представлена в таблице 3.

Таблица 3. Количественные данные об употреблении глаголов 2-го лица

Грамматическое значение	Тип предложения	Прагматическая функция	Количество употреблений
2-е лицо			189
	утвердительное		96
	простое, главное		72
		ассертив	5
		аргументатив	13
		валюатив	7
		экспозитив	12
		суггестив	2
		инструктив	5
		реквестив	1
		экспрессив	1
		модальная	8
		фатическая	18
	придаточное		24
	вопросительное		93
3-е лицо			196
1-е лицо			115

Анализ полученных данных позволяет сделать выводы о тенденциях употребления глагольных форм 2-го лица. Прежде всего следует выделить вторичные употребления глаголов: на обобщенно-личные предложения (в которых глагол реализует значение 3-го лица) приходится 39,2% единиц, а на предложения, в которых глагол указывает на действие 1-го лица – 23% единиц. Число предложений, в которых глагол 2-го лица выступает в своем основном грамматическом значении, составляет 37,8%.

В этой группе представлены утвердительные и вопросительные предложения, их соотношение таково: 50,8% vs 49,2%. В случае вопросительных предложений нет препятствий для употребления глагола 2-го лица в основном значении: в соответствии с диспозициональной характеристикой вопроса «х не знает, у знает» – это знание адресата о собственных действиях, состояниях, намерениях и т.д. дает основание говорящему для принуждения его к информированию об этих действиях,

состояниях и намерениях – в этом заключается сущность вопроса как речевого акта⁵.

Утвердительные предложения представлены двумя группами: 25% приходится на предложения с зависимым статусом (придаточные условия, времени, причины, уступки и др.), 75% – на предложения с независимым статусом (простые и главные в составе сложноподчиненных). В случае придаточных предложений диктальная часть с глаголом 2-го лица выступает в качестве пресуппозиции, истинность которой очевидна для говорящего и адресата. Диспозициональная характеристика таких речевых актов (*x* знает, *y* знает) не противоречит содержанию архиэпистемы, ср.:

(45) Спасибо за то, что хотя бы *отвечаешь*.

В придаточном предложении заключена информация (*Ты отвечаешь*), известная и говорящему, и адресату, но она не является предметом сообщения – только своего рода областью приложения акта благодарения.

Диспозициональная характеристика «*x* знает, *y* знает» выступает также в речевых актах, которые реализуются в форме простого или главного предложения: 1) фатических – 18 употреблений; 2) аргументирующих – 13 употреблений; 3) экспозитивных – 12 употреблений; 4) экспрессивных – 1 употребление (суммарно 44 употребления).

К числу фатических (конвенциональных – в другой терминологии, см. Coulmas 1981, 71) были отнесены такие употребления глагола 2-го лица, которые, будучи неинформативными с семантической точки зрения (*x* знает, *y* знает), служат для поддержания коммуникативного контакта (подробнее о таких выражениях см.: Розенталь 2005, 363ссл.; Антонова 2015, 95ссл.; Charciarek 2012). В некоторых из этих предложений глагол занимает позицию вводного слова, ср.:

(46) Боксёр, *говоришь*? Хорошо, спортсмены нам нужны.

(47) *Понимаешь*, из моей комнаты я этого делать не мог.

(48) Вот *понимаешь*, мне сейчас (не слишком ли поздно?) пришла такая же мысль в голову

(49) Но *знаешь*, во всех случаях, описанных тобой, нет по большому счёту ничего особенного.

(50) – Ты *знаешь*, это очень длинная история, я тебе её как-нибудь потом расскажу.

⁵ Часть вопросительных высказываний реализует вторичные значения прагматической функции, например, директивное. Высказывание *Ты видишь, лампочка не погасла?* формально является вопросом, однако его диспозициональная характеристика не соответствует вопросительному речевому акту (*x* не знает, *y* знает). Высказывание произносится в ситуации, когда говорящий не сомневается относительно того, что адресат видит непогасшую лампочку, т.е. мы имеем дело с диспозициональной матрицей «*x* знает, *y* знает». Высказывание же употребляется с расчетом на импликацию: 'Если ты видишь непогасшую лампочку, сделай так, чтобы она погасла'. Прагматическая спецификация вопросительных высказываний не существенна для основной задачи данной статьи, поэтому в исследовании она не проводилась.

Формальная апелляция к знанию адресата (особенно заметная в случае клишированных оборотов *знаешь ли, знаете ли, понимаешь ли, видишь ли*), в том числе в ситуациях, когда говорящий скорее считает, что собеседник *не знает*⁶, служит созданию эффекта взаимности – важнейшего элемента фатической коммуникации. В некоторых случаях такого рода обороты указывают на «осторожность» говорящего (термин из работы: Мустайоки 2015, 555) как предпосылку речевой нобилитации адресата (как субъекта знания): говорящий дает понять, что учитывает точку зрения коммуникативного партнера.

К данной группе относятся также гезитативные употребления глаголов 2-го лица (*знаешь, понимаешь, видишь*), т.е. с целью заполнения речевых пауз [Антонова 2015, 96]. Их повторяемость особенно характерна для некоторых дискурсов разговорной речи, что на материале польского языка описала К. Писаркова [Pisarkowa 1975].

Диспозициональная характеристика «х знает, у знает» реализуется также в случае аргументативных речевых актов: несмотря на то, что содержание высказывания известно говорящему и адресату, целесообразность речевого действия заключается в том, что оно используется в качестве довода для некоторого утверждения, являющегося главным сообщением на данном отрезке конверсации. К этой же группе отнесены высказывания, содержание которых интерпретируется по отношению к содержанию контекста – главным предметом сообщения при этом выступает отношений содержаний. Вот некоторые примеры такого употребления глаголов 2-го лица:

- (51) А теперь *стоишь* здесь, бессовестная, на меня смотришь. Как ты вообще могла снова сюда прийти?
 < Ты здесь *стоишь*, хотя ты не должна здесь стоять.
- (52) В любом случае, ты же *знаешь*, что я всегда с нетерпением жду от тебя весточки!
 < Ты *знаешь* ... поэтому я надеюсь, что ты напишешь мне.
- (53) Тебе хорошо: ты на стенде мягкой мебели *работаешь*.
 < Поскольку ты *работаешь* на стенде мягкой мебели, можно утверждать, что тебе хорошо.
- (54) Уникум! А ты *говоришь*, наследственность влияет.
 < Хотя ты *говоришь*, что наследственность влияет, это неверно: ты – уникам.

⁶ В качестве примера может послужить предложение: *Ты знаешь, это не детское кино*. В принципе, его целью является сообщение точки зрения говорящего: 'Сообщаю, что с моей точки зрения это – не детское кино'. Сообщение, естественно, предполагает не-знание адресата, поэтому начальная констатация *Ты знаешь...* противоречит установке информативного речевого акта. В действительности, этого противоречия нет, так как и говорящий, и адресат понимают выражение *Ты знаешь...* условно – как маркер коммуникативной установки говорящего (взаимность, толерантность, снисходительность и т.п.). В высказываниях такого рода мы имеем дело со специфической языковой симуляцией (применительно к явлению иронии симуляция была описана в работе: Lapp 1992).

- (55) Ты *говоришь*: «Осенило». Почему тебя? Почему сейчас?
 < Хотя ты говоришь, что тебя осенило, непонятно, почему осенило тебя и почему сейчас.

Как видно из приведенных выше трансформаций, многие предложения этого типа легко преобразуются в придаточные (условия, причины, уступки), что указывает на их близость с уже рассмотренными предложениями с зависимым статусом, выражающими пресуппозиции.

Заметную группу высказываний с диспозициональной характеристикой «*x* знает, *y* знает» составляют экспозитивные речевые акты, т.е. разоблачения. Их особенность заключается в том, что информация о знании говорящего выдвигается на первый план – на фоне пресуппозиции «*x* знает, *y* знает, *y* считает, что *x* не знает». Подобные речевые акты дополнительно (хотя, может быть, не всегда) содержат элемент отрицательной оценки – порицание, например:

- (56) Девушкам мозги пудришь!
 < Я вижу/знаю, что ты девушкам пудришь мозги; это не хорошо, когда так поступают.
- (57) Ты просто хочешь любым способом всем понравиться!
 < Я вижу/знаю, что ты хочешь понравиться любым способом; это не хорошо, когда так поступают.
- (58) Даже с теми, кого знать не знаешь, заигрываешь.
 < Я вижу/знаю, что ты заигрываешь даже с теми, кого не знаешь; это не хорошо, когда так поступают.
- (59) Да и темы выбираешь конъюнктурные.
 < Я вижу/знаю, что ты выбираешь конъюнктурные темы; это не хорошо, когда так поступают.

Диспозициональная матрица «*x* не знает, *y* не знает» характерна для высказываний со значением неуверенности, т.е. деонтической возможности: в этом случае говорящий сообщает о том, что он считает некоторое положение дел возможным, не будучи также уверенным, что собеседник считает такое утверждение правдивым, ср.:

- (60) *Глядишь*, в пьесе появятся и развязка, и смысл.
 < Возможно, в пьесе появятся развязка и смысл.
- (61) Зато, *глядишь*, федеральные власти начнут крутиться поживей.
 < Возможно, федеральные власти начнут крутиться поживей.
- (62) *Можешь*, например, сказать, что «Одиночество и свобода» не самое лучшее из того, что я написал.
 < Возможно, ты скажешь, что «Одиночество и свобода» не самое лучшее из того, что я написал.
- (63) *Можешь* сделать вывод, что при замужестве мною руководили лишь чувства.
 < Возможно, ты сделаешь вывод, что при замужестве мною руководили лишь чувства.

Последняя группа речевых актов объединена общей диспозициональной характеристикой «*x* знает, *y* не знает». Она, как уже указывалось, реализуется в репрезентативных речевых актах, которые, однако, в высказываниях с глаголом 2-го лица не согласуются с содержанием культурной картины мира. Неслучайно в проанализированном материале отмечено только 5 таких употреблений. Несколько чаще выступают другие типы речевых актов: валюатив, т.е. оценочное высказывание (7 употреблений), инструктив, т.е. предписание, разрешение (5 употреблений), суггестив, т.е. совет, рекомендация (2 употребления), реквестив, т.е. просьба (1 употребление). Особенность этих речевых актов (суммарно 15 употреблений, или 3%) состоит в том, что предметом сообщения является не объективное положение дел с участием собеседника (как в случае репрезентативов), а ментальное состояние субъекта речи – мнение, предположение, убеждение, желание и т.д. Другими словами, мы имеем дело с сообщением говорящего о самом себе. Говорящий исходит из предпосылки, что содержание этого ментального состояния (пропозициональной установки – в эпистемологической терминологии) не известно адресату, что и составляет мотивацию речевого действия, ср.:

- (64) У тебя прекрасный вкус, и ты удачно *выбираешь* наряды.
ВАЛЮАТИВ: Я считаю, что ты удачно выбираешь наряды; хорошо, что ты удачно выбираешь наряды.
- (65) Ты каждый день *принимаешь* решения, которые идут, что называется, в двух шагах от беды.
ВАЛЮАТИВ: Я считаю, что ты принимаешь плохие решения (которые идут в двух шагах от беды).
- (66) *Можешь* не читать, если тебя это не развлечет.
ИНСТРУКТИВ: Я разрешаю тебе не читать.
- (67) *Можешь* использовать мешок многократно, стирая после каждой варки с мылом.
СУГГЕСТИВ: Я рекомендую тебе использовать мешок многократно.
- (68) Пристегнись, говорю, и хватит болтать. Ты меня *отвлекаешь*.
РЕКВЕСТИВ: Я прошу тебя не отвлекать меня.

Заключение

В основе проведенного исследования лежит гипотеза о том, что грамматическое значение глаголов 2-го лица в индикативе не согласуется с диспозициональной характеристикой репрезентативных речевых актов («*x* знает, *y* не знает»). В результате анализа языкового материала эта гипотеза была подтверждена. Во-первых, было установлено, что только в одной трети употреблений глаголов 2-го лица реализуется его основное грамматическое значение – обозначение действия адресата речи. Во-вторых, только половина (50,8%) предложений с глаголом

2-го лица в основном значении в проанализированном корпусе имеет форму утвердительного предложения. В-третьих, 75% утвердительных предложений имеют синтаксически независимый статус и реализуют речевые акты. В-четвертых, количество употреблений глаголов 2-го лица в составе репрезентативных речевых актов, т.е. сообщений об объективных ситуациях и положениях дел с участием собеседника, составляет лишь 1%. Можно сделать вывод, что с узальной точки зрения 2-е лицо и репрезентативное (ассертивное) значение прагматической функции не сопоставимы, хотя в статье были указаны и те условия, в которых конфигурация их двух факторов возможна.

Объяснение данной функциональной особенности русского языка стало возможным благодаря введению понятия диспозициональной характеристики речевого акта. Из проведенного наблюдения вытекает, что в том фрагменте языкового материала, который стал предметом изучения, наблюдается дифференциация типов речевых актов с точки зрения их регулярности реализации в речи:

<i>x</i> знает, <i>y</i> знает	68 (36% ⁷)
<i>x</i> знает, <i>y</i> не знает	20 (10,6%)
<i>x</i> не знает, <i>y</i> знает	93 (49,2%)
<i>x</i> не знает, <i>y</i> не знает	8 (4,2%)

Как видим, наиболее регулярно представлены вопросительные предложения (ок. 50% употреблений), а второе место занимают речевые акты, предполагающие обоюдное знание коммуникативных партнеров: с одной стороны, фатические, т.е. контактоустанавливающие, а с другой стороны, пресуппонирующие, т.е. сообщающие некоторую известную говорящему и адресату информацию, которая служит как вспомогательная при аргументации, сопоставлении точек зрения и т.д.

Библиография

- Antonova Valeriâ V. 2015. *Parentetičeskie konstrukcii sovremennogo russkogo âzyka v lingvokul'turologičeskom aspekte*. Moskva: dissertaciâ [Антонова Валерия В. 2015. *Парентетические конструкции современного русского языка в лингвокультурологическом аспекте*. Москва: диссертация].
- Apresân Ūrij D. 2015. *Sintaksičeskaâ informaciâ dlâ Aktivnogo slovarâ russkogo âzyka*. «LingVaria» nr spec.: 13-26 [Апресян Юрий Д. 2015. *Синтаксическая информация для Активного словаря русского языка*. «LingVaria» nr spec.: 13-26].
- Auer Peter. 1999. *Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
- Awdiejew Aleksy. 2004. *Gramatyka interakcji werbalnej*. Kraków: Wydawnictwo UJ.

⁷ По отношению к общему числу употреблений глаголов 2-го лица в основном грамматическом значении.

- Awdiejew Aleksy, Habrajska Grażyna. 2004. *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. I. Łask: Leksem.
- Awdiejew Aleksy, Habrajska Grażyna. 2006. *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. II. Łask: Leksem.
- Bondarko Aleksandr V. 1983. *Principy funkcjonal'noj grammatiki i voprosy aspektologii*. Moskwa: Nauka [Бондарко Александр В. 1983. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Москва: Наука].
- Bondarko Aleksandr V. 1985. *K teorii funkcjonal'noj grammatiki*. V: *Problemy funkcional'noj grammatiki*. Red. Ārceva V.N. Moskwa: Nauka: 16-29 [Бондарко Александр В. 1985. *К теории функциональной грамматики*. В: *Проблемы функциональной грамматики*. Ред. Ярцева В.Н. Москва: Наука: 16-29].
- Bresnan Joan. 2001. *Lexical-functional Syntax*. Malden, Massachusetts: Blackwell.
- Bresnan J., Asudeh A., Toivonen I. et al. 2016. *Lexical-functional Syntax*. Malden: Blackwell.
- Charciarek Andrzej. 2012. *Fatičeskiemarkery v perevodnom slovarе*. «Opera Slavica» nr 22, 36-43 [Charciarek Andrzej. 2012. *Фатические маркеры в переводном словаре*. «Opera Slavica» nr 22, 36-43].
- Chlebda Wojciech. 1991. *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Conrad Rudi. 1978. *Studien zur Syntax und Semantik von Frage und Antwort*. Berlin: Akademie Verlag.
- Ehrich Ute. 1990. *Bedeutungsanalyse in einem sprachverstehenden System unter Berücksichtigung pragmatischer Faktoren*. Tübingen: Niemeyer.
- Grice Herbert P. 1975. *Logic and conversation*. B: *Syntax and semantics*, 3. Eds. Cole P., Morgan J.L. New York: Academic Press: 41-58.
- Holmes V.M., Stowe, L., Cupples, L. 1989. *Lexical Expectations in Parsing Complement-Verb Sentences*. «Journal of Memory and Language» No. 28: 668-689.
- Hymes Dell. 1980. *Socjolingwistyka i etnografia mówienia*. B: *Język i społeczeństwo*. Red. Głowiński M. Warszawa: Czytelnik: 41-92.
- Hymes Dell. 1996. *Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality. Toward an Understanding of Voice*. London: Taylor & Francis.
- Johnstone Barbara, Marcellino William. 2010. *Dell Hymes and the Ethnography of Communication*. B: *The Sage Handbook of Sociolinguistics*. Eds. Wodak R., Johnstone B., Kerswill P. London: Sage: 57-66
- Kaczmarek Mirosława. 2007. *Podziękowania i przeprosiny w języku i kulturze japońskiej*. «Etnolingwistyka» nr 19: 235-251.
- Kaplan Ronald M., Bresnan Joan. 1995. *Lexical-Functional Grammar. A Formal System for Grammatical Representation*. B: *Formal Issues in Lexical-Functional Grammar*. Eds. Dalrymple M., Kaplan R.M., Maxwell J.T. et al. Stanford: CSLI Publications: 1-102.
- Karolak Stanisław. 2002. *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo IS PAN.
- Kiklewicz Aleksander. 2015. *Rečevye акты i informacionnyj obmen*. «Aktual'nye problemy stilistiki» № 1: 88-99 [Киклевич Александр. 2015. *Речевые акты и информационный обмен*. «Актуальные проблемы стилистики» № 1: 88-99].
- Kiklewicz Aleksander. 2005. *Trzy oblicza pragmatyki*. «Język Polski» nr LXXXV/1: 8-19.
- Kiklewicz Aleksander. 2007. *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask: Leksem.
- Kiklewicz Aleksander. 2015. *Sovremennye pol'skie issledovaniâ v oblasti pragmatiki russkogo âzyka*. «Przegląd Rusycystyczny» nr 2: 128-147 [Kiklewicz Aleksander. 2015.

- Современные польские исследования в области прагматики русского языка. «Przegląd Ruscystyczny» nr 2: 128-147].
- Kuno Susumo. 1987. *Functional Syntax: Anaphora, Discourse and Empathy*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kustova Galina I. 2011. *Lico*. V: <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. Москва [Кустова Галина И. 2011. *Лицо*. В: <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. Москва].
- Lapp Edgar. 1992. *Linguistik der Ironie*. Tübingen: Günter Narr Verlag.
- Leszczak Oleg. 2000. *K probleme ponátiá funkcií v funkcional'no-pragmaticeskoj metodologii*. V: *Rozważania metodologiczne. Język – literatura – teatr*. Red. Kasperski E. Warszawa: Wydział Polonistyki UW: 243-254 [Лещак Олег. 2000. *К проблеме понятия функции в функционально-прагматической методологии*. В: *Rozważania metodologiczne. Język – literatura – teatr*. Red. Kasperski E. Warszawa: Wydział Polonistyki UW: 243-254].
- Lewandowski Theodor. 1984. *Linguistische Wörterbuch*. 1. Heidelberg: Quelle & Meyer.
- Melchuk Igor. 1984. *Introduction*. V: *Tolkovo-kombinatornyj slovar' sovremennogorusskogo ázyka. Opyt semantiko-sintaksičeskogo opisania russkoj leksiki*. Red. Žolkovskij A.K., Mel'čuk I.A. Vena: Wiener Slavistischer Almanach: 39-68 [Melchuk Igor. 1984. *Introduction*. В: *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики*. Ред. Жолковский А.К., Мельчук И.А. Вена: Wiener Slavistischer Almanach: 39-68].
- Mustajoki Arto. 2006. *Teoriá funkcional'nogo sintaksisa. Ot semantičeskikh struktur k ázykovym sredstvám*. Москва: Языки славянской культуры [Мустайоки Арто. 2006. *Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам*. Москва: Языки славянской культуры].
- Mustajoki Arto. 2015. *Kommunikativnye neudači skvoz' prizmu potrebnostej govorâšego*. V: *Ázyk i mysl': sovremennáá kognitivnáá lingvistika*. Red. Kibrik A.A. et al. Москва: Языки славянской культуры: 543-559 [Мустайоки Арто. 2015. *Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего*. В: *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. Ред. Кибрик А.А. и др. Москва: Языки славянской культуры: 543-559].
- Nęcki Zbigniew. 2000. *Komunikacja międzyludzka*. Kraków: Antykwa.
- Norman Boris Ū. 1988. *K socio- i psiholingvističeskoj interpretaciji nekotoryh stereotipnyh replik v standartnyh situáciáh*. «Russkij ázyk» № VIII: 86-92 [Норман Борис Ю. 1988. *К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях*. «Русский язык» № VIII: 86-92].
- Norman Boris Ū. 2009. *Lingvističeskáá pragmatika. Na materiale russkogo i drugih slavânskikh ázykov*. Minsk: Izdatel'stvo BGU [Норман Борис Ю. 2009. *Лингвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков*. Минск: Издательство БГУ].
- Norman Boris Ū. 2015. *Grammatika kanoničeskaá, real'naá i potencial'naá*. V: *Język a metoda*. Red. Szumska D. Kraków: Wydawnictwo UJ: 91-104 [Норман Борис Ю. 2015. *Грамматика каноническая, реальная и потенциальная*. В: *Język a metoda*. Red. Szumska D. Kraków: Wydawnictwo UJ: 91-104].
- Nuyts Johan. 1997. *Intentionalität und Sprachfunktionen*. В: *Intention – Bedeutung – Kommunikation. Kognitive und handlungstheoretische Grundlagen der Sprachtheorie*. Hrsg. Preyer G., Ulkan M., Ulfig A. Opladen: Westdeutscher Verlag: 51-71.
- Padučeva Elena V. 1996. *Semantičeskie issledovaniá (Semantika vremeni i vida v russkom ázyke. Semantika narrativa)*. Москва: Языки русской культуры [Падучева Елена В. 1996. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*. Москва: Языки русской культуры].

- Peškovskij Aleksej M. 2001. *Russkij sintaksis v naučnom osvešenii*. Moskva: Āzyki slavānskoj kul'tury [Пешковский Алексей М. 2001. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Языки славянской культуры].
- Peyer Ann. 1997. *Satzverknüpfung – syntaktische und textgrammatische Aspekte*. Tübingen: Niemeyer.
- Pisarkowa Krystyna. 1975. *Składnia rozmowy telefonicznej*. Wrocław etc.: Ossolineum.
- Rozental' Ditmar È. 2005. *Spravočnik po pravopisanii i literaturnoj pravke*. Moskva: Ajris-press [Розенталь Дитмар Э. 2005. *Справочник по правописанию и литературной правке*. Москва: Айрис-пресс].
- Searle John. 1986. *What is a speech act? V: Novoe v zarubežnoj lingvistike*. 17: *Teoriā rečevyh aktov*. Red. Gorodeckij B.Ū. Moskva: Progress: 151-169 [Серль Джон. 1986. *Что такое речевой акт*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. 17: *Теория речевых актов*. Ред. Городецкий Б.Ю. Москва: Прогресс: 151-169].
- Šelākin Mihaīl A. 2001. *Funkcional'nāā grammatika russkogo āzyka*. Moskva: Russkij āzyk [Шелякин Михаил А. 2001. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва: Русский язык].
- Speas Margaret. 2004. *Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features*. «Lingua» No. 114/3: 255-276.
- Valin Robert D. van. 2001. *An Introduction to Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Valin Roberet D. van, Lapolla Randy J. 1997/2004. *Syntax: Structure, Meaning, and Function*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vinogradov Viktor V. 1972. *Russkij āzyk (grammatičeskoe učenie o slove)*. Moskva: Russkij āzyk [Виноградов Виктор В. 1972. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Русский язык].
- Wierzbicka Anna. 1999. *Język – umysł – kultura*. Warszawa: PWN.
- Zel'dovič Gennadij M. 2012. *Pragmatika grammatiki*. Moskva: Āzyki slavānskoj kul'tury [Зельдович Геннадий М. 2012. *Прагматика грамматики*. Москва: Языки славянской культуры].
- Zolotova Galina A. 1982. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. Moskva: Nauka [Золотова Галина А. 1982. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука].
- Zolotova Galina A. 1988. *Sintaksičeskij slovar'. Repertuar elementarnyh edinic russkogo āzyka*. Moskva [Золотова Галина А. 1988. *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка*. Москва: Наука].
- Zolotova Galina A. et al. 1998. *Kommunikativnāā grammatika russkogo āzyka*. Moskva: Nauka [Золотова Галина А. и др. 1998. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Наука].